

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ДОРИС ЛЕССИНГ

БАБУШКИ

Москва
2016

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44
Л51

Doris Lessing
THE GRANDMOTHERS
Copyright © 1990 by Doris Lessing

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского
Ю. Федоровой («Бабушки»,
«Виктория и Стэйвни», «Почему так»),
А. Питчер («Дитя любви»)

Фото на 4-й сторонке переплета
Copyright © Photograph by Chris Saunders

Л51 **Лессинг, Дорис.**
Бабушки / Дорис Лессинг ; [пер. с англ. А. Питчер,
Ю. Федоровой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
416 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-87937-3

Что делать женщине, которая любит сына подруги? Природа подсказывает, что надо отдаться чувству, что никогда она не будет так счастлива, как в объятиях этого молодого человека. Но благоразумие заставляет ее отказаться от любви.

Кто-то увидит в этой истории архетипическое начало, миф об Эдипе, другие — борьбу природы и социума, третьи — трагедию немолодых женщин, пытающихся ухватить свою долю счастья. Но как бы то ни было, «Бабушки», как и другие три произведения, составляющие сборник, не оставят равнодушным никого.

Новелла была экранизирована — в 2013 году вышел фильм режиссера Анн Фонтен «Две матери», который в российском прокате назывался «Тайное влечение».

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-87937-3

© Федорова Ю., перевод на русский язык, 2016
© Питчер А., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

БАБУШКИ

По обе стороны небольшого мыса, усеянного множеством кафе и ресторанчиков, чинно резвилось море, совершенно непохожее на настоящий океан, ревели и грохочущий за пределами раскрытого зева бухты, за этими каменными ограждениями, которые все называли Зубами Бэкстера, — так даже на картах писали. Кто такой — этот Бэкстер? Хороший вопрос, распространенный, а ответ на него можно было найти на помещенном в рамку листке искусно состаренной бумаги, висевшем на стене ресторана, стоявшего на дальнем краю мыса, в самом лучшем, дорогом и престижном месте. Ресторан назывался «У Бэкстера», и считалось, что внутренняя комната из тонкого кирпича с тростниковой крышей — это бывшая хижина Билла Бэкстера, построенная им собственными руками. Он, неутомимый путешественник и моряк, отыскал эту райскую бухту с крошечным каменным язычком. В ранних версиях этой легенды упоминались мирные и приветливые местные жители. А откуда взялись «зубы»? Неисправимый Бэкстер продолжил исследовать близлежащее побережье и острова. И однажды, доверившись лодочке-листочку, сделанной с помощью

6 *Дорис Лессинг*

собственной сноровки из старого топляка, лунной ночью он разбился об эти семь черных камней, совсем недалеко от своего домишки, в котором всегда горела керосиновая лампа, надежно, как маяк, созывавшая в бухту маленькие кораблики, способные протиснуться в нее через риф.

Сейчас территория вокруг «Бэкстера» была усажена огромными деревьями, в тени которых прятались столики и стулья, а с трех сторон лежало дружелюбное море.

Вверх, петляя между кустами, шла дорожка, которая вела к Садам Бэкстера, и как-то в послеобеденное время по ней не спеша поднималась группа из шести человек, четверо взрослых и две маленькие девочки, чей радостный визг эхом отзывался на крики чаек.

Впереди шли двое симпатичных мужчин, уже не юных, но лишь человеконенавистник мог бы сказать, что это люди среднего возраста. Один из них хромал. За ними шагали две такие же симпатичные женщины лет шестидесяти — но, естественно, никому бы и в голову не пришло назвать их престарелыми. Они остановились возле стола, который, очевидно, видели уже не впервые, сложили на нем пакеты, свертки и игрушки; кожа у прибывших была холеная, блестящая — эти люди умели пользоваться солнцем. Они сели, женщины вытянули длинные гладкие коричневые ноги, непринужденно обутые в сандалии, дали временный отдых умелым рукам. Женщины расположились по одну сторону стола, мужчины по другую, а девчонки прыга-

ли: шесть светловолосых голов. Они, конечно же, родственники? Это наверняка матери этих мужчин; а те — точно их сыновья. А девчонкам, уже кричащим: «Хотим на пляж!», для чего надо было спуститься по каменистой тропинке, бабушки, а потом и отцы, велели вести себя хорошо и играть спокойно. Дети сели на корточки и принялись составлять в пыли узоры из собственных пальцев и маленьких палочек. Хорошенькие девочки: значит, эти симпатичные взрослые — их родственники.

Из окна «Бэкстера» показалась девушка, она крикнула: «Как обычно? Принести вам, что и всегда?» Одна из женщин помахала ей рукой в знак согласия. Вскоре появился поднос со свежими фруктовыми соками и бутерброды на цельнозерновом хлебе — подтверждающая, что эти люди заботятся о своем здоровье.

Тереза, которая только что сдала выпускной экзамен в школе, решила на год уехать из Англии, после чего вернуться и начать учебу в университете. Это она рассказала уже несколько месяцев назад, а взамен ее просветили на тему — как учатся эти девчонки. Вот и сейчас она спросила у них: как дела в школе, и сначала одна ответила, а потом и вторая подтвердила, что там все классно. Хорошенькая официантка побежала обратно в ресторан, на свое рабочее место, улыбнувшись двум мужчинам, отчего женщины тоже обменялись улыбками друг с другом и со своими сыновьями, один из которых, Том, заметил:

— Она же никогда не вернется в Британию, ведь

8 *Дорис Лессинг*

тут все парни — руками и ногами за то, чтобы она осталась.

— Тем глупее будет с ее стороны выйти замуж, — ответила одна из женщин, Роз — на самом деле Розанна, мать Тома. Но ей возразила другая, Лил (или Лилиан), мать Иена:

— Ой, ну не знаю, — сказала она, с улыбкой глядя на Тома. Такое признание их существования, которого, в сущности, и добивались мужчины, заставило их кивнуть друг другу, шутливо поджав губы, как будто этот или похожий диалог у них разыгрывался уже не впервые.

— Все равно, — сказала Роз, — девятнадцать лет — это слишком рано.

— Но кто знает, как все повернется? — спросила Лил и тут же покраснела. Почувствовав это, она скорчила рожицу, озорную или даже дерзкую, что совершенно не вязалось с ее характером. Остальные обменялись взглядами, которые так просто уже не объяснить.

Все вздохнули и, услышав друг друга, рассмеялись, это был настоящий искренний смех, который, как казалось, и выражал недосказанное. Одна из девочек, Ширли, спросила: «Над чем вы смеетесь?», а вторая, Элис, добавила: «Что тут смешного? Я не вижу в этом ничего смешного», и ненамеренно скопировала бабушкино выражение стыдливого озорства. Лил снова стало неловко, и она снова покраснела.

Ширли, которой хотелось внимания, не унималась: «Папа, в чем же фишка?» — и тут оба отца при-

нялись ловить и шлепать девчонок, а те выражали недовольство, вырывались, но возвращались, а потом бросились к бабулям на колени в поисках защиты. Разнежась в их объятиях и сунув в рот большой палец, дети закрыли глаза и принялись зевать...

День был жаркий.

За соседними столиками, так же стоявшими в тени деревьев, блаженствовали и другие такие же счастливые люди. Море, со всех сторон окружавшее невысокий мыс, вздыхало, шипело и тихонько билось о камни, голоса звучали тихо и лениво.

В окне «Бэкстера» показалась Тереза с подносом, на котором стояли прохладительные напитки, она ненадолго остановилась и посмотрела на семью. По ее щекам потекли слезы. Она влюбилась в Тома, потом в Иена, потом снова в Тома — за их внешность, за их спокойствие, за что-то еще; влюбилась в их довольство, словно они купались в радости всю свою жизнь, а теперь излучали ее волнами удовлетворенности.

А как они обращались с дочками, с какой легкостью и ловкостью! И бабушки всегда рядом, и их уже не четверо, а шестеро... но были же и матери, ведь у всех детей они есть, и у этих девочек были Ханна и Мэри, обе поразительно непохожие на эту светловолосую семью, членами которой они стали — миниатюрные, смуглые и довольно милостивые, — но Тереза знала, что ни одна из них не была достаточно хороша для этих мужчин. Они работали. У них был бизнес. Вот почему тут так часто бывали бабушки. Значит, они сами уже не работали? Рабо-

тали, но могли в любой момент сказать: «Пойдемка в «Бэкстер» — и приходили. Иногда к ним присоединялись и матери девочек, и тогда их было восемь.

Тереза была влюблена в них всех. Она это наконец поняла. В мужчин — это естественно, ее сердце терзалось из-за них, но не слишком уж сильно. Слезы у нее выступали, когда она видела их всех вместе, наблюдала за ними, вот как сейчас. А за ее спиной, за столиком возле бара, сидел Дерек, молодой фермер, изъявивший желание взять ее в жены. Тереза против него ничего не имела, он ей весьма нравился, но именно эти люди, эта Семья, была ее подлинной страстью.

Казалось, что солнце, которое висело над деревьями, дававшими глубокую тень, местами пронзенную его лучами, включало в себя и сами деревья, и раскаленное голубое небо, смешавшееся с благодатью и счастьем, выделявшее огромными каплями некую золотую росу, которую могла видеть лишь Тереза. Именно в этот момент она решила выйти за своего фермера и остаться здесь, на этом континенте. Она не могла покинуть его ради переменчивых прелестей Англии, Брэдфорда, хотя местные болота тоже были ничего, когда солнце все же удосуживалось показаться. Нет, она останется здесь, она просто обязана. «Хочу, хочу», — твердила она про себя, дав наконец волю слезам. Ей была просто необходима эта нега тела, это спокойствие ленивых движений, длинных загорелых рук и ног, золотого блеска светлых волос на солнце...

И как только Тереза решила собственное будущее, она заметила, что по дорожке поднимается одна из матерей. Мэри — да, это была она. Невысокая, смуглая, нервная женщина, в ее осанке и стиле ничто не выдавало ее принадлежности к Семье.

Шла она медленно. Останавливалась, всматривалась, шла дальше, опять останавливалась, и движения ее были нарочито неторопливыми.

— Интересно, что на *нее* нашло? — гадала Тереза и наконец отошла от окна, чтобы отнести поднос посетителям, которые, конечно же, уже заждались. Мэри Стразерс едва двигалась. Она остановилась и принялась недовольно смотреть на Семью. Роз Стразерс заметила ее и помахала рукой, потом еще раз, потом рука медленно пошла вниз, словно женщина поняла причину ее нерешительности, а с лица начал сходить лоск и блеск. Она смотрела, хотя и не прямо, на свою невестку, и, заметив перемену в ее лице, сын Том повернулся в ту же сторону и помахал. Иен тоже. У них обоих словно опустились руки, как и у Роз; и в этом виделась какая-то обреченность.

Мэри остановилась. Рядом оказался столик, и она тяжело опустилась на стул. Она посмотрела на Лил, потом на Тома, своего мужа. Ее обвиняющие сощуренные глаза перемещались с одного лица на другое. Взгляд что-то искал. В руке у нее был пакет. Письма. Она села метрах в трех и не сводила с них взгляда.

Тереза обслужила остальные столики и снова вернулась к окну, мысленно обвиняя в чем-то Мэ-

ри, жену, понимая, что это ревность. Вот как она себя оправдывала: будь она достаточно хороша для них, я была бы только рада. Но ведь она по сравнению с ними — ничто.

Лишь от ревности можно было так плохо думать о Мэри, яркой и привлекательной смуглой молодой женщине. Но сейчас она не была красива; маленькое лицо, бледное, как побелка, тонкие губы. Тереза увидела пачку писем. Посмотрела на четверку за столом. Они замерли, как будто играли в «море волнуется раз». Их свет словно иссякал на глазах. Конечно, в такой прекрасный день это сложно было заметить, но они теперь совершенно не двигались, словно окаменели. А Мэри все смотрела — то на Лил, или Лилиан, то на Роз, или Розанну; переводила взгляд на Тома, потом на Иена, и снова, и снова по кругу.

Повинуясь какому-то импульсу, который Тереза и сама не распознала, она достала из холодильника кувшин с водой и налила стакан, а потом побежала к Мэри. Та медленно повернула голову, недовольно посмотрела Терезе в лицо и стакан не взяла. Тереза села. Мэри привлёк блеск воды, она протянула руку, но потом отдернула: она у нее тряслась слишком сильно, стакан было не удержать.

Тереза вернулась к своему окну. Для нее день помрачнел. Она тоже задрожала. В чем же дело? Что случилось? Произошло нечто ужасное, фатальное!..

Мэри наконец поднялась, с трудом преодолела расстояние до стола, где сидела Семья, и опусти-

лась на стул, стоявший на некотором расстоянии от них: она не была частью их целого.

Они смотрели на пачку писем в ее руках.

Никто не двигался, все смотрели на Мэри. И ждали.

Начать говорить предстояло ей. Но нужно ли? У нее дрожали губы, она сама вся тряслась, казалось, что она вот-вот упадет в обморок, а ее укоряющие глаза все еще пронзали то одного, то другого. Том. Лил. Роз. Иен. Рот у нее скривился, словно она откусила какую-то кислятину.

— Что с ними, что? — гадала Тереза, пристально вглядываясь из окна, и хотя еще меньше часа назад она решила, что никак не может уехать с этого побережья, оставить эту благодать и изобилие, теперь она начала думать, что отсюда надо бежать. «Я откажу Дереку. Лучше убраться отсюда».

Элис, девочка, сидевшая на коленях у Роз, со вскриком проснулась и увидела маму: «Мама, мамочка», — и протянула к ней руки. Мэри смогла заставить себя подняться, обошла вокруг стола, держась за спинки стульев, и взяла Элис.

И тогда на коленях у Лил проснулся и второй ребенок. «А где моя мама?»

Мэри протянула руку к Ширли, и уже через миг обе девочки сидели у нее на коленях.

Они уловили настроение Мэри, ее страх, злость, некую обреченность и захотели вернуться к бабушкам. «Бабуля, бабулечка». «Хочу к бабушке».

Мэри крепко сжала их обеих.

На лице Роз появилась легкая горькая улыбка,

словно она сообщила кому-то глубоко внутри себя о том, что пришли плохие новости.

— Бабушка, ты завтра поведешь меня на пляж?

И Элис:

— Бабушка, ты обещала, что мы пойдем на пляж!

Наконец дрожащим голосом заговорила и Мэри.

Но сказала лишь:

— Нет, вы не пойдете с ними на пляж, — а потом напрямую и взрослым женщинам:

— Вы не будете водить Ширли и Элис на пляж.

Это было и осуждение, и приговор.

Лил неуверенно, даже робко, произнесла:

— Скоро увидимся, Элис.

— Не увидите, — сказала Мэри. Она встала, держа обеими руками детей, а пачку писем засунула в карман своих слаксов.

— Нет, — яростно повторила она — наконец начали прорываться чувства, отравлявшие ей душу. — Нет. Не увидите. Никогда. Вы никогда их больше не увидите.

Она развернулась и потащила за собой детей.

Ее окликнул муж, Том:

— Мэри, погоди минутку.

— Нет. — И она изо всех сил поспешила вниз по тропинке, спотыкаясь, волоча за собой девочек.

Ну и теперь, естественно, четверо оставшихся, старшие женщины и их сыновья, должны же были что-то сказать, внести ясность, все объяснить? Ни слова. Они сидели сжавшись, поникнув, помрачнев, потом наконец один из них заговорил. Это был Иен, он обратился к Роз с интимной страстью, ши-

роко распахнув глаза, а по губам было видно, как он напряжен и зол:

— Это ты виновата! Да, ты. Я тебя предупреждал. Во всем виновата ты.

Роз ответила злобой на его злобу. Она рассмеялась. Это был жесткий, злой и едкий смех, раскат за раскатом.

— Я виновата, — ответила она. — Конечно. Кто же еще?

И снова захохотала. Это хорошо бы смотрелось на сцене — такой смех, — но по ее щекам потекли слезы.

Мэри, уже скрывшаяся из виду, к этому времени дошла до конца дорожки, где встретила с Ханной, женой Иена, которая не могла даже видеть виновных, по крайней мере, при Мэри, потому что ее ярость была не так велика. Она позволила Мэри идти одной, а сама осталась ждать, преисполненная сомнений, страданий и упреков, бурливших в ней все сильнее и готовых вырваться наружу. Но она не хотела, чтобы все это вылилось в гнев, нет, ей нужны были объяснения. Она взяла у Мэри Ширли, и вот они обе, с дочками на руках, стояли на тропинке, возле забора из свинчатки, отделявшего соседнее кафе. Они молчали, но смотрели друг другу в глаза, Ханна жаждала подтверждения, и получила его.

— Ханна, это правда.

И — этот смех. Смех Роз. Раскатистый и резкий, смех победителя — вот что услышали Мэри и Ханна, и он стегал их, а они сжимались от жестокости